

Новый сценарий разрушения спин-пайерлсовского состояния у $\text{CuGeO}_3 : \text{Fe}$ – образование квантовой критической точки

С. В. Демишев¹⁾, Р. В. Бунтинг, Л. И. Леонюк, Е. Д. Образцова, А. А. Пронин,
Н. Е. Случанко, Н. А. Самарин, С. В. Терехов

Институт общей физики РАН, 117942 Москва, Россия

Поступила в редакцию 21 октября 2000 г.

После переработки 28 ноября 2000 г.

Экспериментально обнаружено, что введение 1% Fe в матрицу CuGeO_3 приводит к сильному упорядочению магнитной подсистемы и появлению низкотемпературной асимптотики магнитной восприимчивости вида $\chi \sim 1/T^\alpha$, где $\alpha \approx 0.36$, наблюдающейся в широком температурном интервале $1.7 \leq T \leq 30$ К. Предложена модель, связывающая указанную аномалию с подавлением спин-пайерлсовского состояния в результате образования квантовой критической точки.

PACS: 75.30.-v, 75.40.-s, 75.50.Lk

1. Хорошо известно, что легирование CuGeO_3 приводит к подавлению спин-пайерлсовского перехода. Многочисленные работы, посвященные влиянию таких примесей как Zn, Si, Ni, Co, Mg, Mn, показали, что с ростом концентрации примеси x происходит уменьшение температуры перехода T_{sp} и для $x > x_c$ наблюдается сосуществование димеризации и антиферромагнетизма при $T < T_N$ (см. [1–4], а также ссылки, цитированные в этих работах).

Например, в спектрах резонансного магнитопоглощения микроволнового излучения для $T < T_N$ наблюдаются моды антиферромагнитного резонанса, сосуществующие с электронным парамагнитным резонансом (ЭПР) на примесях и (или) дефектах кристаллической структуры CuGeO_3 . С теоретической точки зрения этот эффект объясняется тем, что примесь или дефект в димеризованной матрице оказываются окруженными “облаком” антиферромагнитно коррелированных спинов, а перекрытие таких “облаков” приводит к образованию дальнего магнитного порядка [5, 6].

Дальнейшее увеличение концентрации примеси приводит к полному подавлению спин-пайерлсовского перехода и, в результате, сохраняется только переход в антиферромагнитное состояние. Зависимость $T_N(x)$ носит немонотонный характер: температура Нееля вначале возрастает с концентрацией, проходит через максимум и для высоких уровней легирования начинает уменьшаться. Ин-

тересно, что масштабным преобразованием оси x концентрационные фазовые диаграммы могут быть приведены к универсальному виду [2], что рассматривается как подтверждение единого механизма [5, 6], приводящего к распаду спин-пайерлсовского состояния независимо от химической природы примеси. По нашему мнению, такой универсальный сценарий влияния легирования на спин-пайерлсовское состояние у CuGeO_3 не является единственно возможным. В качестве альтернативы рассмотрим результаты теоретических работ [7–11], в которых исследовалось влияние беспорядка на различные низкоразмерные спиновые системы, включающие одномерные цепочки с антиферромагнитным и ферромагнитным взаимодействиями, двумерное изинговское стекло, трехмерные тяжелофермионные системы с антиферромагнитными корреляциями, а также димеризованные $S = 1/2$ цепочки. Анализ, выполненный в [7–11], показал, что вне зависимости от типа взаимодействия и размерности такие спиновые системы демонстрируют сходное поведение: беспорядок размывает фазовый переход таким образом, что точка $T = 0$ оказывается критической (так называемая квантовая критическая точка, ККТ). При этом в термодинамических свойствах при $T \rightarrow 0$ доминируют редкие сильно коррелированные (по сравнению со средними значениями) области, определяющие сингулярности Гриффитса [12]. Вследствие этого возникает низкотемпературная расходимость магнитной восприимчивости вида

$$\chi \propto 1/T^\alpha, \quad (1)$$

¹⁾e-mail: demis@lt.gpi.ru

где $\alpha < 1$. Аналогичный результат получен и для одномерной $S = 1/2$ цепочки с антиферромагнитным взаимодействием [7, 10], для которой антиферромагнитный переход при низкой температуре отсутствует. Отметим, что возможность образования ККТ следует и из стандартного сценария разрушения спин-пайерлсовского состояния, поскольку $T_N(x) \rightarrow 0$ при $x \rightarrow \infty$. Однако возможные отклонения от закона Кюри $\chi \sim 1/T$ при $T \rightarrow 0$ у CuGeO_3 или не наблюдались, или интерпретировались в рамках модели антиферромагнитного упорядочения [3].

В настоящей работе мы представим экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что разрушение спин-пайерлсовского состояния в CuGeO_3 может происходить путем образования квантовой критической точки и, в общем случае, не связано с образованием дальнедействующего антиферромагнитного порядка.

2. Для исследования были выбраны образцы CuGeO_3 , легированные железом. Методика синтеза образцов описана в [13, 14] и идентична использованной в работе [2]. По данным химического анализа, образцы $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ содержали 1% железа. Структура образцов контролировалась рентгенографически и по спектрам комбинационного рассеяния света. Для выявления эффектов беспорядка в качестве реперных использовались образцы чистого CuGeO_3 , синтезированные по той же технологии (физические свойства таких образцов исследовались ранее в [13, 14]).

Магнитные свойства образцов исследовались методом ЭПР. В экспериментах регистрировалось пропускание как функция магнитного поля H для цилиндрического резонатора с образцом (мода TE_{011} , добротность $Q = 10^4$, резонансная частота $f \sim 60$ ГГц); в качестве источников излучения применялись ЛОВ-генераторы. Внешнее магнитное поле было параллельно кристаллографической оси a . Для точного определения g -фактора в резонатор помещался кристалл дифенилпикрилгидразина (DPPH).

3. Данные рентгеноструктурного анализа показали, что примесь железа не приводит к заметному изменению параметров решетки CuGeO_3 . В то же время спектры комбинационного рассеяния света демонстрируют сильный эффект разупорядочения. Из рис.1 хорошо видно, что введение Fe в матрицу CuGeO_3 индуцирует сильное уширение и уменьшение амплитуды основных A_g -мод [15]: 187 см^{-1} , 332 см^{-1} , 594 см^{-1} и 859 см^{-1} . Ярко выражено подавление амплитуды мод 594 см^{-1} и 859 см^{-1} , соответствующих различным колебаниям атомов кислорода [15], по отношению к моде 187 см^{-1} (синфазные

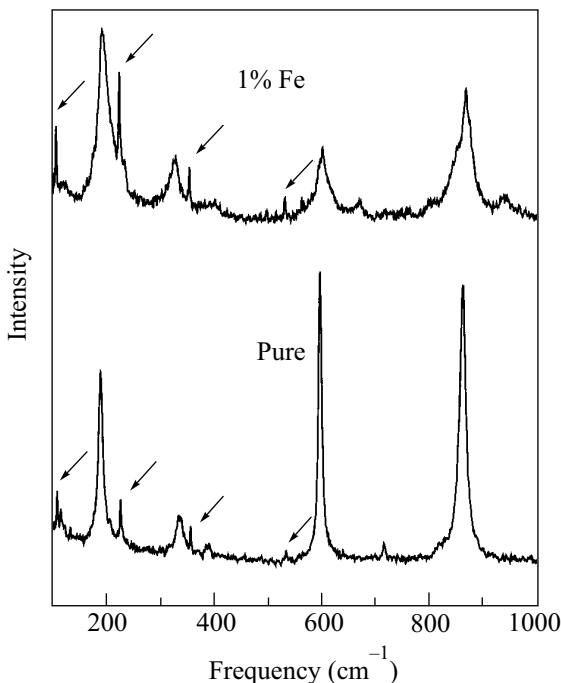

Рис.1. Спектры комбинационного рассеяния света для чистого и легированного железом CuGeO_3 при $T = 300$ К. Стрелками обозначены разрядные линии

колебания атомов Ge и O).

Поскольку легирование не приводит к сдвигу основных частот, обусловленных согласно [15] колебаниями комплексов GeO_3^{2-} , то возможность замещения примесными атомами железа атомов германия представляется нам маловероятной и можно предположить, что в $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ атомы железа встраиваются в медные цепочки.

Спектр резонансного магнитопоглощения у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ во всем исследованном диапазоне температур 1.7–300 К образован единственной модой ЭПР (рис.2). Подчеркнем, что при низких температурах для легированного образца в спектрах не наблюдалось возникновения сателлитов [13] или нескольких линий поглощения сравнимой амплитуды [16], а также мод антиферромагнитного резонанса (последнее обстоятельство проверялось нами дополнительно для частотного диапазона 20–120 ГГц с использованием нерезонаторной методики, описанной в [13]).

Анализ формы линии поглощения показал, что для всех исследованных температур она может быть хорошо описана лоренцианом (рис.2). Из условия наилучшей аппроксимации экспериментальных спектров лоренцевской кривой были рассчитаны температурные зависимости g -фактора, времени релаксации τ_{rel} и интегральной интенсивности χ . Последний па-

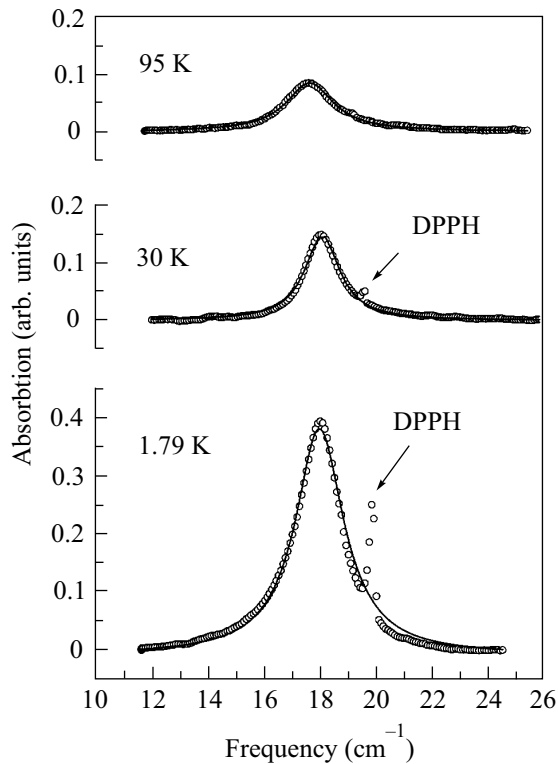

Рис.2. ЭПР-спектры у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ при различных температурах

раметр пропорционален магнитной восприимчивости свободных спинов [17]. Полученные данные показаны на рис.3, 4. Для $T > 20\text{ K}$ у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ величина g -фактора составляет 2.15 и не зависит от температуры (рис.3а). Отметим, что такое значение характерно для геометрии $\mathbf{H} \parallel \mathbf{a}$ в чистом CuGeO_3 . Однако в отличие от чистого CuGeO_3 , в котором g -фактор остается постоянным вплоть до $T \sim 0.5\text{ K}$ [13], у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ данный параметр увеличивается приблизительно на 2% при изменении температуры от 20 K до 1.7 K (рис.3а). По-видимому, температурную перенормировку g -фактора у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ следует связать со взаимодействием между магнитными моментами атомов меди и железа, которое оказывается существенным для $T \leq 20\text{ K}$. Интересно, что время релаксации проходит через максимум (рис.3б), причем в диапазоне $T \leq 20\text{ K}$ параметр τ_{rel} убывает и, соответственно, обратно пропорциональная τ_{rel} ширина резонанса увеличивается (рис.2, 3б). Такое поведение также можно объяснить тем, что у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ при $T \leq 20\text{ K}$ доминируют эффекты разупорядочения (в отсутствие которых время релаксации должно увеличиваться при понижении температуры [17]).

Наиболее существенное отличие между легированным и чистым образцами CuGeO_3 проявляется

в температурной зависимости интегральной интенсивности (рис.4). Для чистого образца при $T > T_{sp}$ кривая $\chi(T)$ имеет широкий максимум в окрестности $T \sim 80\text{ K}$, сменяющийся при $T < T_{sp}$ экспоненциальным уменьшением интегральной интенсивности, обусловленным открытием щели в спектре магнитных возбуждений. В то же время, для $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ характерен принципиально иной тип зависимости $\chi(T)$: вначале в интервале 70–180 K интегральная интенсивность возрастает при понижении температуры, следуя закону Кюри $\chi(T) \sim 1/T$ (рис.4, кривая 1), затем в диапазоне 30–70 K температурная зависимость насыщается и $\chi(T) \approx \text{const}$. Дальнейшее уменьшение температуры в области $1.7 \leq T \leq 30\text{ K}$ индуцирует новый участок роста $\chi(T)$, который описывается формулой (1) с показателем степени $\alpha \approx 0.36$ (рис.4, кривая 2, и вставка на рис.4). Данные рис.4 позволяют заключить, что спин-пайерлсовское состояние полностью подавляется введением 1% Fe в матрицу CuGeO_3 . С этим выводом коррелирует отсутствие вплоть до 50 Tл низкотемпературного магнитного перехода²⁾, который для чистого CuGeO_3 наблюдается в поле $\sim 13\text{ Tл}$ и является характерной чертой спин-пайерлсовского состояния [14].

4. Таким образом, мы показали, что легирование железом и связанное с этим разупорядочение спин-пайерлсовских цепочек меди приводит как к подавлению спин-пайерлсовского перехода, так и к появлению низкотемпературной асимптотики вида $\chi(T) \sim 1/T^\alpha$, существенно отличающейся от стандартного закона Кюри.

Обращает на себя внимание, что аномальная температурная зависимость $\chi(T)$ наблюдается в широком интервале $1.7 \leq T \leq 30\text{ K}$, в котором температура изменяется более чем в 17 раз (рис.4). Интересно, что вплоть до самой низкой температуры, достижимой в наших экспериментах, какие-либо отклонения от зависимости (1) не наблюдались. Так как антиферромагнитный резонанс при этом не наблюдается, то такое поведение возникает в отсутствие дальнедействующего антиферромагнитного порядка, который, согласно стандартному сценарию, должен возникать при легировании CuGeO_3 атомами примеси [5, 6]. Поэтому, на наш взгляд, наиболее логичной интерпретацией необычной низкотемпературной асимптотики $\chi(T) \sim 1/T^{0.36}$ у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$ является образование квантовой критической точки.

С такой интерпретацией полностью согласуются предсказания работы [10] для одномерной, $S = 1/2$, цепочки с антиферромагнитным взаимодействием,

²⁾L.Weckhuysen, Private communication.

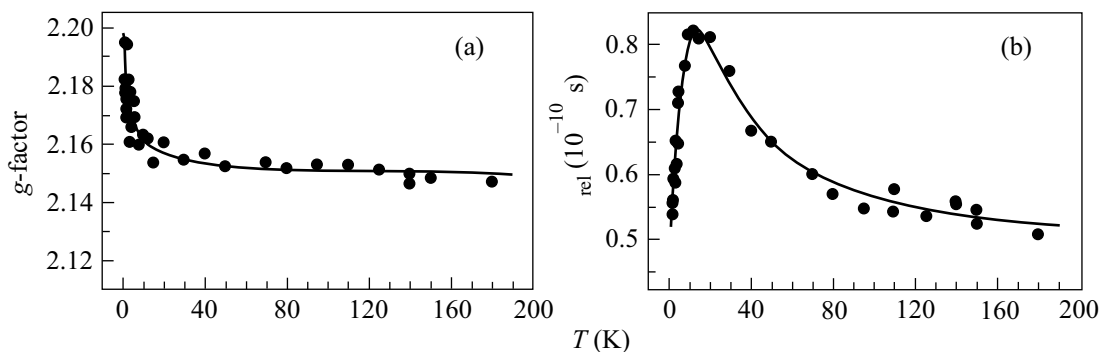

Рис.3. Температурная зависимость g -фактора (а) и времени релаксации (b)

находящейся в случайно димеризованной (random dimer, RD) фазе. При слабой димеризации спектр RD фазы является бесщелевым и вместо падения восприимчивости будет происходить ее рост по закону (1) с индексом $\alpha < 1$, характерным для фазы Гриффитса в окрестности ККТ [10].

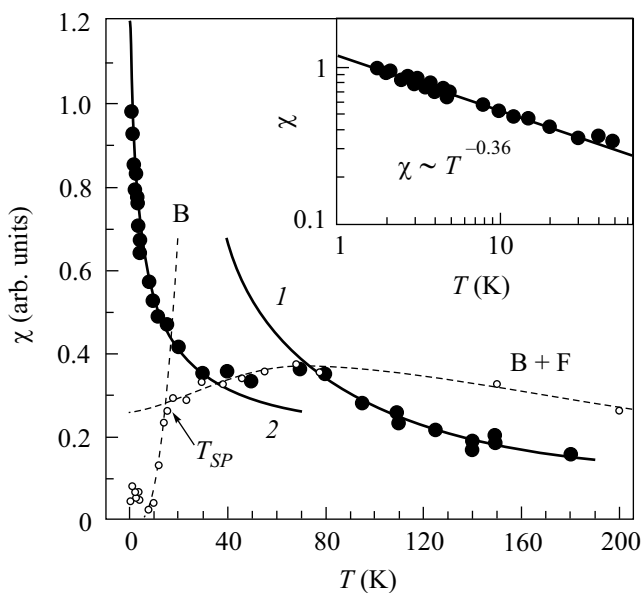

Рис.4. Температурная зависимость интегральной интенсивности $\chi(T)$ для чистого образца CuGeO_3 (светлые точки) и образца, легированного железом (черные точки): 1 – закон Кюри $\chi(T) \sim 1/T$; 2 – асимптотика $\chi \sim 1/T^\alpha$ с $\alpha = 0.36$. На вставке низкотемпературная степенная асимптотика $\chi(T)$ показана в двойном логарифмическом масштабе. Экспериментальные данные для чистого образца взяты из работы [13], штриховыми линиями обозначены расчетные зависимости для $\chi(T)$: закон Бонера – Фишера (B+F) и закон Булаевского (B) (по работе [13])

Согласно [10], показатель степени α не является универсальным и зависит от функции распределения связей. Тем не менее, как теоретические расчеты [8], так и экспериментальные результаты [18] дают для ККТ величины индексов $\alpha \sim 0.3 - 0.33$, близкие к полученному в настоящей работе значению $\alpha \approx 0.36$. Это обстоятельство также может служить дополнительным аргументом в пользу предложенного объяснения.

Проведенный выше анализ позволяет заключить, что у $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$, по-видимому, реализуется новый сценарий подавления спин-пайерлсовского состояния, связанный с образованием квантовой критической точки. В этой связи представляется весьма перспективным проведение исследований магнитных свойств легированных спин-пайерлсовских соединений и, в частности, $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$, при сверхнизких температурах.

Авторы признательны С.В.Поповой за помощь в проведении химического анализа образцов $\text{CuGeO}_3:\text{Fe}$. Работа выполнена при финансовой поддержке программы Министерства промышленности, науки и технологий “Физика микроволн” и “Фундаментальная спектроскопия”.

1. M. Hase, *J. Magn. and Magn. Materials* **177-181**, 611 (1998).
2. B. Grenier, J.-P. Renard, P. Veillet et al., *Phys. Rev.* **B57**, 3444 (1998).
3. P. E. Anderson, J. Z. Liu, and R. N. Shelton, *Phys. Rev.* **B56**, 11014 (1997).
4. V. N. Glazkov, A. I. Smirnov, O. A. Petrenko et al., *J. Phys.: Condens. Matter* **10**, 7879 (1998).
5. H. Fukuyama, T. Tanimoto, and M. Saito, *J. Phys. Soc. Japan* **65**, 1182 (1996).
6. M. Mostovoy, D. Khomskii, and J. Knoester, *Cond-mat/9712098* (1997).

7. D. S. Fisher, Phys. Rev. Lett. **69**, 534 (1992); Phys. Rev. **B50**, 3799 (1994); Phys. Rev. **B51**, 6411 (1995).
8. H. Reiger and A. P. Young, Cond-mat/9512162 (1995).
9. M. Fabrizio and R. Melin, Phys. Rev. Lett. **78**, 3382 (1997).
10. R. A. Nyman, K. Yang, R. N. Bhutt, and S. M. Girvin, Phys. Rev. Lett. **76**, 839 (1996).
11. A. Rosch, Abstracts of LT22, Helsinki, Finland, 1999, p.389.
12. R. B. Griffiths, Phys. Rev. Lett. **23**, 17 (1969).
13. С. В. Демишев, А. В. Семенов, Н. Е. Случанко и др., ЖЭТФ **112**, 1727 (1997).
14. S. V. Demishev, L. Weckhuysen, J. Vanacken et al., Phys. Rev. **B58**, 6321 (1998).
15. Z. V. Popović, S. D. Dević, V. N. Popov et al., Phys. Rev. Lett. **B52**, 4185 (1995).
16. А. И. Смирнов, В. Н. Глушков, А. Н. Васильев и др., Письма в ЖЭТФ **64**, 277 (1996).
17. С. А. Альшулер, Б. М. Козырев, *Электронный парамагнитный резонанс*, М: Физматгиз, 1961.
18. B. Andraka and A. M. Tsvelik, Phys. Rev. Lett. **67**, 2886 (1991).